

Часовага ўрада князь Львоў, ні міністр юстыцыі Керанскі. Керанскі праз чыноўніка па асобых даручэннях паведаміў, што «прыняць не можа, паколькі гэта азначала б прызнанне самастойнасці, роўнапраўя беларускага боку. Што датычыцца будучыні Беларусі, то гэта — функцыя Устаноўчага сходу»¹⁵. Такая пазіцыя Часовага ўрада дазваляла рэвалюцыйным партыям усяляць у народныя масы думку, што, прыйшоўшы ў Лютым 1917 г. да ўлады лібералы ў нацыянальным пытанні прытрымліваюцца вялікадзяржаўнай палітыкі.

Імкненне да стварэння ўласнай незалежнай дзяржавы з'яўляецца найвышэйшай ступенню нацыянальнай самасвядомасці любога народа. Партыі і арганізацыі ліберальнай арыентацыі, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі ў сакавіку — кастрычніку 1917 г., па сутнасці, выступалі супраць ідэі беларускай дзяржаўнасці. Таму невыпадкова, што іх праграмныя палажэнні па нацыянальнаму пытанню не атрымалі масавай падтрымкі і засталіся нерэалізаванымі.

¹ Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 5.

² Воля народа. 1917. 12 мая.

³ Вестник партии Народной Свободы. 1917. № 14—16. С. 18.

⁴ Думова Н. Г. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 198—199.

⁵ Могилёвский вестник. 1917. 20 апр.

⁶ Коронкевич П. В. Белорусы. Гомель, 1917. С. 10.

⁷ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 60, воп. 3, спр. 81, арк. 13.

⁸ Вольная Беларусь. 1917. 11 чэрв.

⁹ НАРБ. Ф. 60, воп. 3, спр. 81, арк. 55.

¹⁰ «Хрысціянская злучнасць» заснавана ў 1915 г. ў Заходняй Беларусі.

¹¹ Станкевич А. Да гісторыі палітычнага вызвалення. Вільня, 1935. С. 87.

¹² НАРБ. Ф. 62, воп. 1, спр. 194, арк. 11.

¹³ Вольная Беларусь. 1917. 17 верасня.

¹⁴ Там жа. 19 кастр.

¹⁵ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Мн., 1986. С. 233.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЗАПАДНОЙ РУСИ СО СКАНДИНАВИЕЙ

В истории Белоруссии и Скандинавии было немало периодов, отмеченных тесными историческими связями. Исследованиями доказана сингадиальность и синхронность многих процессов, протекавших в славянских и скандинавских странах.

В свете последних археологических изысканий, варяги проникают на территорию Белоруссии (исключая ее южные районы) почти одновременно со славянами. Пик их активности приходится на начало IX в. Они вступали в контакты и взаимодействие с местным населением.

Русская летопись, освещающая события этого времени, хоть и в сильно искаженном виде (они были описаны значительно позже самих событий), рассказывает об известной зависимости от скандинавов кривского (по летописи, кривичского) населения Белоруссии и соседней Смоленщины, так же как и ряда других народов северных регионов Восточной Европы (чуди, мери). Сообщается, что недовольные варяжскими поборами корснине народы, объединившись, изгнали их за море. Отсюда следует, что до этого наряду удалось установить контроль над значительной территорией Восточной Европы, включающей и какую-то часть Белоруссии.

Последующая история, связанная уже с образованием Руси и постепенным распространением ее власти на обширные пространства Восточной Европы, не только не исключила эти контакты, но, наоборот, еще более укрепила их, придав им новое содержание.

Период начальной древнерусской государственности был тесно связан с варягами как опытными воинами, которые составляли заметную часть древнерусского воинства.

До сих пор не ясно происхождение одного из первых властителей древнейшего в Белоруссии города Полоцка. Русская летопись, рассказывая о призвании на Русь варягов, отмечает, что Рюрик начал строить и раздвигать своим мужам города «тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро»¹. Затем уже, спустя более 100 лет, в 980 г. летопись упоминает о Рогволоде, который будто пришел из-за моря и владел Полоцком. Личность Рогволода достаточно легендарна. Большинство исследователей склонно признавать в нем варяга. Другие считают, что он был выходцем из прибалтийских славян.

Остается также невыясненным, было ли в это время Полоцкое княжение независимым государственным образованием одного из варяжских конунгов или

оно составляло одну из земель киевской державы, а сам Рогволод был наместником киевского князя, быть может, и варягом по происхождению.

При западнорусских княжеских дворах, как и в других местах, очевидно, были профессиональные варяжские отряды, составлявшие часть русского войска. Есть основания предполагать участие варягов и в борьбе полоцкого князя Брячислава Изяславича с киевским Ярославом в 1021 г.

Основные связи между славянами и скандинавами установились и окрепли на почве общих торговых интересов. Через территорию Белоруссии проходил основной торговый путь «из варяг в греки», который, возможно, сложился еще до возникновения древнерусского государства. С появлением в Верхнем Поднепровье славян он приобрел общегосударственное значение. В пределах Белоруссии по нему на относительно небольшом протяжении располагалось немало древнерусских поселений городского или замкового типа: Орша, Одрск, Копысь, Рогачев, Вишин, Стрешин, Речица.

После того, как в X в. мадьяры отрезали Западную Европу от Византии, основным поставщиком византийских товаров на Запад и север Европы становится Киевская Русь. После разгрома турками-сельджуками арабских государств и появления на южных границах Руси кочевников-половцев связь Руси с Востоком и Византией затрудняется. Прекращается приток арабского серебра в виде дирхемов, и интерес варягов к этому пути затухает. Позже, в 1204 г., когда под ударами крестоносцев пала Византия, происходит переориентация русской торговли в направлении Западной Европы.

Одним из вариантов знаменитого торгового пути «из варяг в греки» была Западная Двина, и ее значение все более усиливалось по мере сокращения торговых связей со странами Востока. По Западной Двине можно было проникнуть и в северные русские земли. В этом были заинтересованы не только полоцкие, но и смоленские князья, через территорию которых проходил еще более древний путь и волоки на русский север — в Новгородскую землю.

Политика полоцких князей в значительной степени определялась стремлением не только владеть и подчинять себе великий торговый путь, но и обеспечивать его безопасное функционирование. Они смогли (скорее всего, во времена Всеслава Брячиславича — вторая половина XI в.) установить полный политический контроль над бассейном Западной Двины вплоть до ее устья, обеспечив таким образом своим и другим русским купцам наиболее удобный выход в Балтийское море.

В исторической литературе бытует мнение, что полоцкие князья уделяли внимание и техническому обеспечению безопасности судоходства по Западной Двине, организовывали очистку ее русла от подводных камней, особенно очень крупных валунов. Подтверждением этой версии считают наличие больших валунов с высеченными на них крестом и надписями с именем полоцкого князя Бориса (начало XII в.). В начале XX в. их было известно свыше десяти и большинство из них находилось в русле Западной Двины. К сожалению, все они к настоящему времени утрачены. До наших дней сохранился только один такой крупный подписанный камень в Полоцке.

Одним из самых замечательных исторических документов начала XIII в. является «Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом» (1229). С русской стороны договор был подписан смоленским князем от имени также полоцкого и витебского князей. Есть мнение, что договор был составлен по образцу заключенных еще раньше подобных договоров Полоцка с Ливонским Орденом. В его основу были положены многие нормы Пространной Русской Правды, действовавшей на территории всех древнерусских земель. В договоре подробно рассмотрены различные виды казусов, которые могли возникнуть с иноземными или отечественными купцами, или связанными с ними людьми при осуществлении торговых операций: об убийствах, увечьях, оскорблениях купцов, моральных преступлениях, долговых обязательствах и гарантиях и т. д. Договор свидетельствует о высокой и хорошо разработанной правовой культуре того времени, прочных, надежных и традиционных связях Западной Руси со своими балтийскими соседями.

Богатые русские города привлекали к себе купцов. Скандинавы складывали о них саги, а саму Русь называли Гардарикой (страной городов). Русские купцы плавали по Балтийскому морю и имели свой постоянный двор на острове Готланде.

Из Средней Азии и Ирана шли серебряные изделия и серебро. Южные области Руси влились в торговые связи Хазарии с арабским миром. Русские дружинники IX—X вв., как и варяги, были одновременно и купцами. Арабский писатель Ибн-Хордадбек в «Книге путей и государств» рассказывает о торговле купцов из Руси мечами западноевропейского производства. Вполне вероятно, что здесь речь идет о варягах, которых арабские источники называли собирательным именем — русы.

Западных купцов Русь привлекала своей пушниной. Еще Святослав, один из первых русских князей, перечислял основные товары, которые шли из Руси за

границу: мех, воск, мед и челядь (рабы). Среди мехов, поступавших на Восток из Руси, арабский автор X в. Аль-Мукадаси называет бобра, лисицу, зайца, широко распространенных в Белоруссии.

О ценности пушнины на Руси можно судить по тому факту, что княжеская дань исчислялась в пушнине. Эквивалентом пушнины служила серебряная монета. Некоторое представление об оживленной торговле на проходивших через Белоруссию торговых путях сегодня могут датьклады восточных монет. Некоторые из них содержат до десятка тысяч монет и весят несколько килограммов. Так, клад, найденный у дер. Казьянки в Полоцком районе, содержал 7588 куваческих дирхемов Арабского халифата общим весом около 20 кг. Зарыт он был в сороковых годах X в.² С торговлей связаны находки миниатюрных весов и гирек для взвешивания серебра.

Б. А. Рыбаков включает в русский экспорт уже раннего периода (IX—X вв.) также серебряные изделия, кольчуги. О торговле рабами говорится не только в русских, но и в арабских и византийских источниках. В XII—XIII вв., судя по пошлине, за рабыню платили в 2,5 раза больше, чем за мужчину-раба.

С быстрым развитием русских городов и городского ремесла торговля постепенно утрачивает свой транзитный характер, и предметами вывоза становятся ремесленные изделия. Так, среди привозных тканей в Италии источники называют «русскую ткань». Очевидно, льняную. Культура льна известна в Белоруссии с неолитических времен. Льняные ткани, собиравшиеся в качестве дани (пошлины?), названы в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 г.), владения которого распространялись и на восточную часть современной Белоруссии с ее поднепровскими городами.

Потребителями русского экспорта на Балтике были прежде всего прибалтийские славяне, а также население Скандинавии и Нижней Германии. Так, в договоре 1229 г. упомянуты серебряные сосуды, которые покупались у русских «немцами» (этим термином на Руси нередко называли всех иностранцев). Русские эмалированные изделия и глиняные игрушки с поливой попадали в Швецию³.

Ранний период русской истории отмечен наличием варяжских памятников и на территории Белоруссии. В ближайшем соседстве с Белоруссией, на Смоленщине, находится знаменитый гнездовский курганный могильник с варяжскими захоронениями. В разных местах Белоруссии известны отдельные варяжские находки.

Важной статьей импорта были мечи, нередко встречающиеся в курганах IX—XI вв. Наиболее известны древние мечи с клеймом «ULFBERT», которые изготовлялись в Нижней Германии или во Фландрии. В Полоцке при земляных работах на месте разрушенного курганного могильника был найден меч X в., целый, с надписью «ULFBERT». Этим же веком можно датировать и другой меч, найденный в Гродно. На нем сохранился подковообразный знак-клеймо, судя по которому он завезен из Скандинавии. В кургане около Брагина найден меч с инкрустированным бронзовой проволокой знаком в виде цифры «8». В Гродненском парке во время земляных работ в захоронении воина нашли два меча. В Слониме найден типичный варяжский шлем. В Браславе в слоях XI в. найдена варяжская фибула. В курганном могильнике XI в. (Избише) среди 9 подвесок одна оказалась скандинавской серебряной в стиле «Борре», с изображением хищного зверя⁴.

Свыше 100 костей с надписями и рисунками найдены на городище Масковичи в Браславском районе. Надписи состоят из отдельных букв и лигатур. Некоторые представляют скандинавские рунические письмена. На одной кости изображена парусная ладья с людьми. В этих же раскопках выявлено и две фибулы скандинавского типа⁵.

В курганном могильнике XI в. (Лудчицы, Быховский район) в женском захоронении с труположением найдена бронзовая литая фигурка — изображение варяга с мечом⁶.

Серия интересных варяжских предметов недавно найдена в Припятском Полесье (вилка, наконечник ножен меча, подвеска)⁷. По Припяти, очевидно, проходил самый короткий путь в Скандинавию и на остров Готланд.

Как видно, археологические свидетельства пребывания варягов на территории Белоруссии пока не столь уж обильны. В основном они представлены отдельными находками, которые могут объясняться прежде всего торговыми связями варягов с этим регионом. Характерных варяжских поселений, так же как и исключительно им принадлежавших могильников, здесь пока не выявлено. Возможно, это объясняется и недостаточной изученностью данного исторического периода. Несомненно, последующие археологические исследования дадут новые материалы такого рода.

Мне приходилось раскапывать несколько городов на днепровском пути «из варяг в греки», но ни один из них своим происхождением не связан с жизнью и деятельностью варягов. Большинство из них возникали относительно поздно — в XI—нач. XII в., когда этот путь уже в значительной мере утратил свое международное значение, а варяжские дружины сошли с исторической сцены.

Если правы исследователи, которые считают, что первые поселения варягов в Восточной Европе были представлены открытыми поселками как переходной формой к городу (Гнездово, Рюриково городище)⁸, то подобные памятники в Белоруссии практически не изучены.

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I. С. 215.

² Рябцевич В. Н. Козьянковский клад // Археологические открытия 1973 г. М., 1974.

³ Рыбаков В. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I. С. 321.

⁴ Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. Мн., 1993. С. 424, 425, 96, 282.

⁵ Дучиц Л. У. Браслаўскае Паазер'е. Мн., 1991; Вараг ў Беларусі. Полацак, (США), 1993. Т. 8 С. 9; Надписи и знаки на костях с городища Масковичи Северо-Западной Белоруссии // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 185.

⁶ Археалогія і нумізматыка Беларусі. С. 374.

⁷ См.: Иоу А. В., Вяргей В. С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX — пач. XI ст.: Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. I. Мн., 1993. С. 117.

⁸ Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. М., 1980. С. 160.

Е. Н. СУРТА

ГАЛЛО-ФРАНКСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКИЕ ЕПИСКОПЫ

(конец V—VII вв.)

После крушения Западной Римской империи в 476 г. территория Галлии была поделена между тремя германскими народами: вестготами, занявшими юго-западную и южную части этой бывшей римской территории; бургундами, расположившимися в юго-восточной и восточной Галлии, и франками, все активнее в конце V в. расширявшими сферу своего влияния на севере и северо-востоке страны. Вестготы и бургунды еще до падения империи исповедовали христианство в его арианском варианте, как практически все германские варварские народы, за исключением только франков, вождь которых Хлодвиг принял крещение со своей дружиной лишь в 496 г. До этого франки оставались язычниками. Принятие католицизма обеспечило франкам не только мощную поддержку со стороны ортодоксальной галльской церкви, но и римской кафедры, обладавшей особенно значительным авторитетом на территории южной Галлии. Галльские епископы обращались к папам как к высшим арбитрам в церковно-административных спорах¹.

Религиозный аспект сыграл, очевидно, не последнюю роль в успехах завоевательной политики франков, которые уже к середине VI в. овладели практически всей территорией Галлии, оказав тем самым серьезную поддержку католической церкви в ее борьбе с арианскими церквями вестготов и бургундов. Такой ход событий устраивал и пап, несмотря на то, что римским предстателям не удалось ни юридически, ни фактически подчинить себе галло-франкскую церковь, которая была второй после римской крупнейшей католической церковью на Западе. Будучи естественной опорой и союзницей папства, она вместе с тем была и привлекательной целью для его властных амбиций. Именно этим прежде всего объясняется тот факт, что галльские епископы первыми в истории западной церкви стали получать от римских предстателей паллий (особая белая шерстяная лента с шестью нашитыми крестами) — знак митрополичьего достоинства, олицетворявший зависимость местной церкви от папской власти. В 513 г. папа Симмах дал первый паллий арльскому митрополиту Цезарию, а в 514 г. поручил последнему следить за религиозными спорами в Галлии и Испании, разбирать их на соборах, а в спорных случаях испрашивать окончательного решения у папы².

Награждение паллием римские предстатели использовали для привлечения на свою сторону духовенства франкской церкви, хотя этот знак не давал каких-либо важных преимуществ паллиеносцу. Если им был простой епископ, то он не освобождался от подчинения митрополиту. Награжденный епископ становился только первым среди других епископов и должен был подписывать решения соборов сразу после митрополита³. Но и этой небольшой привилегией отмеченные знаком паллия епископы не пользовались на франкских национальных соборах.

Кроме паллиев, папы наделяли франкских епископов правами викариев, т. е. предоставляли им статус постоянных представителей и блюстителей интересов римской кафедры на местах. Первая попытка учреждения в Галлии викариата была предпринята еще в V в. папой Зосимом, наделившим епископа Патрокла Арльского различными привилегиями и фактически рассматривавшим последнего в качестве собственного легата⁴. Но опасения преемников Зосима, что Арль может стать конкурирующим с Римом патриархатом, привели к ликвидации этих привилегий. Однако в течение VI в. было еще четыре случая наделения правами папских викариев арльских епископов. Так, папа Вигилий (537—555) предостав-